

Что может быть лучше хорошего детективного романа?

Ничего.

Много лет назад ехала я на ночном поезде из Лондона в Эдинбург. Было холодно, сыро, темно и бесснежно, и была неуютная эта Англия с ее неотопливаемыми квартирами, с умывальниками без смесителя — либо кипяток, либо ледяная вода; с ее левосторонним движением — каждую минуту меня собирался задавить двухэтажный красный автобус; все было как-то невесело и смутно. И вокзал стоял черный и чугунный, и пахло гарью, и публика была какая-то опасная, вечерняя, и я ни слова не могла понять на их так называемом английском языке.

И вот поезд, и вот наконец купе, и тепло, и проводник жестом просит выйти и сильной рукой опускает полки, и они превращаются в широчайшие, уже застеленные постели, белоснежные и мягкие; и он зажигает для тебя ночник и желает спокойной ночи, и поезд идет на север.

С облегчением зарываешься в это тепло и безопасность и вдруг видишь: на подушке, у ночника лежит книжка размером в ладонь — детективный рассказик тебе на ночь. Недлинный, в самый раз для слипающихся глаз — на дюжину страниц, легкое чтение, без кровавых кишок и без натужных американских погонь со стрельбой, а просто: пропало кольцо, кто же украл? — такое вот что-нибудь.

Никогда в жизни, ни до, ни после не была я так благодарна неизвестному английскому человеку, понимающему одинокую и зябкую душу ночного путешественника! Что бы у нас положили на подушку, случись РЖД внезапно проникнуться если не любовью, то хотя бы сочувствием к людям? Конфету? Запаанный

в пластик сервелат в нарезке? Пластмассовый цветок — невянущую чиновничью ромашку? Желтый журнал со сплетнями? Стихи?

Боюсь, что стихи.

Английский человек знает: ничто так не утешает в холодную ночь, как уютное чтение детектива! Ведь, помимо всего прочего, этот волшебный жанр посылает нам подспудный сигнал: горя нет, зла нет, все придумано, все только сказка, все кончится хорошо, книжка закроется, и все злодеи останутся там, под обложкой; под кроватью никто не живет; одеяла и подушки ждут ребят!

Принято считать, что детективный жанр — не вполне литература: некие жесткие рамки не пускают автора развернуться во всю ширь. Пусть так. А зачем мне ваша ширь, если подумать? Мне нужна белая постель, ночник, тепло и маленькая литературная игра в пути на холодный север.

Авторы книжки, которую вы держите в руках, пять замечательных девушек, были моими студентками в семинаре «Пишем детектив». Но я ничему их такому особенному не научила — они и сами все прекрасно сумели сделать. Вся моя роль свелась к тому, чтобы предложить своим студентам: «А давайте...» — и они принялись писать, кто в одиночку (но не справились), кто «в складчину»; один очень даже захватывающий роман был написан бригадой из одиннадцати человек!

И вот семинар закончился, но девушки не разберлись и принялись за новый проект; первую книгу этого проекта я с удивлением и с удовольствием представляю читателю. Самое непостижимое для меня — это как, каким образом они, самые разные люди с разными литературными голосами, слились в единый авторский голос так, что мы не чувствуем зазора?

Как говорит одна из них: «Мы пишем на одной волне, трудно сказать, где чья идея, мы как единый организм. И даже когда одна рука делает одно, а другая не согласна, в конце концов происходит рукопожатие и согласие». Рука — ладонь — долонь.

Этот единый организм — Нелли Абдуллина, Наталия Звёздкина, Татьяна Лебедева, Наталья Порошина, Елена Рыкова. А все вместе — Мария Долонь.

Возьму ее с собой.

Татьяна Толстая

*Всем, кто помогал в создании этой книги,
наша бесконечная благодарность:*

*Александру Трушину, Петру Орлову,
Анне Шишкиной, Вере Байдак, Ольге Фатеевой,
Кате Чемберджи, Екатерине Таратуте,
Анне Зарембовской, Марии Игнатовой
и Марии Язычьян.*

*Особая благодарность нашим учителям —
Татьяне Толстой и Елене Пастернак.*

ГЛАВА 1

Он был утомлен. Все-таки возраст есть возраст. Сейчас он мечтал, чтобы его поскорее оставили одного. Он потянулся к пепельнице.

Вдруг он почувствовал мягкое прохладное прикосновение к шее и следом сразу же — тонкий глубокий укол под затылком, будто нить невероятно длинного комариного жала вошла в голову.

— Что за... — прохрипел он. Голос неожиданно пропал. На беспомощном лице отразилось почти детское изумление.

Он изо всех сил попытался обернуться, посмотреть в глаза стоявшему позади него человеку, чтобы прочесть в них ответ на очень важный для себя вопрос. Жизненно важный. Но тело парализовало.

А через миг он уже не мог не то что сформулировать вопрос, но и вспомнить его. Все слова слиплись в жаркий комок пульсирующей боли. Ему чудилось, что его голова превратилась в кроваво-огненный шар. Только руки все еще боролись с жестким жгутом на шее, стремясь сорвать его.

Но это была иллюзия, его правая ладонь все так же безмятежно лежала на подлокотнике, а спокойная левая кисть изящно сжимала сигарету. Шея была перехвачена только легким атласным платком, ставшим для старика невероятно тугим и тяжелым.

Наконец, он смирился, поддался боли. Еще один удар, самый мощный. И наступила невесомость.

Он уже не услышал ни щелчка замков на портфеле, ни тихих шагов по коридору, ни скрипа входной двери.

* * *

Лаковые панели в коридорах редакции «QQ» покадрово отражали стремительное движение Инги — острое колено, щиколотка, рука у челки, наклон головы, холодная улыбка, идеальная прямая спина.

Она фурией ворвалась в кабинет главного редактора.

— Ну и как ты объяснишь мне эту хрень? — нависла над столом, сдунула со лба рыжую челку.

— За грубое нарушение трудовой дисциплины и внутреннего распорядка, — автоматом выпалил Бубнов.

— Это что, тост? — Инга посмотрела на Бубнова в упор. — А теперь членораздельно и по пунктам. За что мы со Штейном уволены? Только не бубни! — Она знала, как он ненавидит это слово. Инга села, расправила юбку, закинула ногу на ногу. — Я не тороплюсь.

Бубнов поднял на Ингу желчный взгляд. Казалось, у главного редактора несварение желудка, которое он мучительно пытается скрыть.

— Вы со Штейном, — сказал он почти без выражения, — нанесли непоправимый ущерб медиахолдингу.

— О как! — Инга откинулась на стуле. — И чем же, интересно?

— Твое интервью с певицей Туми, во-первых, — Бубнов стал нервно загибать пальцы, — было взято без согласования с ее директором, в неподобающей обстановке. Во-вторых...

— Чушь собачья! Наш визит в больницу был согласован.

— Во-вторых, — Бубнов повысил голос, — директор Туми подает на нас в суд. За клевету и нанесение ущерба

имиджу звезды. За то, что вы со Штейном воспользовались ее беспомощным состоянием.

— И это ложь. На всех фотографиях Туми нормальная, — чем больше закипал Бубнов, тем спокойнее становилась Инга. — Статья подняла рейтинг журнала. Это же хайп высшей пробы, который мы все так любим! Статью цитируют направо и налево. И ты говоришь мне, что мы со Штейном уволены именно за эту работу?

— Это не хайп, а скандал. Медиахолдингу не нужна популярность такого рода. «QQ» — издание элитарное, мы — тренд-сеттеры, рядом с нами — только Esquire и Vogue.

Инга достала из кармана пиджака сигареты. Бубнов выскочил из-за стола, пробежался по кабинету.

Охрану, что ли, хочет вызвать? Ух ты, драка!

Инга с удовольствием затыкнулась.

— Не кури! — зашипел Бубнов. Ответом ему был дым в лицо. Бубнов закашлялся, замахал руками, вернулся за свой стол. Хотел ногой придвинуть кресло, но не рассчитал движения, и оно отъехало в сторону.

Инга прыснула.

— Даже кресло, даже кресло убежало от тебя.

— Смотри! — рявкнул на нее Бубнов. Он не стал ловить кресло-предателя, склонился над клавиатурой, что-то набрал и развернул компьютер в ее сторону. Инга увидела изможденное полубезумное лицо певицы. — И что, скажешь, не ваших рук дело?

Она в замешательстве смотрела на экран.

— Дай сюда. — Отобрала у Бубнова мышь, стала листать снимки. Туми с безумным взглядом, страшная и пугающая. Туми с подвернутой голой ногой, с оскалом вместо улыбки.

Штейн, его работа. Талантливая, конечно, но точно не для глянца.

— Текст тоже почитай, — язвительно сказал Бубнов.

— Но это же рабочка! В продакшн и бильдам мы эти материалы не отправляли. — Она подняла на него не-

годующие глаза. — Каким образом это могло появиться в Сети?

— Слили с ваших компьютеров. Служба безопасности проверила. — Бубнов все-таки сел. — Сама знаешь, лоеры из любой прессы в суде мартышку делают. А адвокат у них знаешь кто? Добронравский! Так вот, во-вторых...

— Во-вторых было, Валер! Во-вторых, это подлая подстава!

— Ты меня вообще будешь слушать! — Он сорвался на крик. — Холдинг по досудебному соглашению изымает номер из продажи! Ты вообще рисуешь себе потери?

Повисла пауза.

Инга встала, смяла сигарету о зеркальную поверхность стола. Бубнов болезненно сморщился. Сказала отдельно:

— Фотографии были в карте памяти фотоаппарата. Его Олег из рук не выпускает. А ему я верю, как себе, — он не мог. И мне дико интересно, кто слил мои тексты. Найду суку...

У Бубнова зазвонил мобильный.

— Что значит — на съемку не приехал? Спасибо, старик, буду должен. Своих пошлем. Пишу адрес.

Бубнов прикрыл трубку рукой.

— Офис покинь немедленно.

Он нажал кнопку громкой связи.

— Эвелина, зайди.

В дверях появилась вышколенная Эвелина Джи с неуместной улыбкой во все зубы.

— Инга Александровна, вас проводить?

В редакции так обращались только к начальству и к чужим. Инга холодно оглядела Эвелину с ног до головы — на той были туфли с последнего показа GF, которые Инга, пользуясь своими связями, выкупила для нее за четверть цены. И неважно, что размер не подходил — Эля заверила, что ступни худеют.

— Не жмут? — небрежно спросила Инга, проходя мимо. — Зайди потом ко мне, пластырь дам.

За спиной Эля стучала каблучками, стараясь не отстать.

Картонное пространство офиса вдруг пришло в движение: зажурчали телефоны, взвились принтеры, заскрипели shreddеры, шаги стали четче, взмахи рук — шире, голоса — громче. Каждый старался подхватить новый ритм, встроиться, не отстать. Несколько раз в месяц офис надевал шаблон деловой суеты — это значило, что в редакцию приезжал кто-то из учредителей медиахолдинга «Минерва», которому принадлежал журнал «QQ».

Отлично! Вот сейчас я все и узнаю. Арег!

Он шел вдоль стеклянной стены — строгий, недоступный, словно выточенный из гранита. Среднего роста, но казался высоким даже рядом с мощными телохранителями — окружающие невольно сжимались под его взглядом, становились немного лилипутами внешне и внутренне. Инга видела его ледяным и синим, как арктическая бездна. За его плечами была идеальная, без червоточин, бизнес-карьера: золотая медаль, красный диплом МГУ, MBA в Лондоне. Он не давал поводов для сплетен и пересудов и был не только одним из главных акционеров «Минервы», но и гарантией репутации всего холдинга. Непререкаем.

Чертov киборг!

— Арег, здравствуйте, вы должны меня выслушать...

Он невозмутимо продолжил путь, и она, увидев в этом согласии на разговор, тоже сделала несколько быстрых шагов. В этот момент один из охранников выставил вперед руку, словно шлагбаум, и Инга, со всей скорости налетев на нее, не удержалась на высоких каблуках и упала как подкошенная — на холодный серый пол. Несколько секунд она не могла подняться — только беспомощно хватала руками воздух под звук удаляющихся шагов.

* * *

— Бежи, детка, бежи! Надо уже что-то делать! — подогнала новенькую коренастая азербайджанка, Сафура-Ханум, неизменный ассистент по аудитории ток-шоу «Культуроло-

гия» на первом канале. А Ленка и так уже прыгала через две ступеньки, сшибая старушек, которые ждали своей очереди, чтобы идти в студию «на передачу». Они собирались на любые ток-шоу в Останкино, взбивая остатки кудрей и выгуливая старинные платья.

— Не берет трубу! До эфира час! Да где же он? — Сафура-Ханум, не отнимая телефона от уха, покатила по коридору к студии. — А ну, голуби мои, кто на Волохова — за мной!

Публика послушно потянулась за Ханум. На «Культурологию» зрители приглашались исключительно для глубины кадра, другими словами, в качестве мебели. Но это никого не смущало. Небольшая плата свободным временем за возможность побыть очевидцем интересной дискуссии и, конечно, надежда засветиться на экране.

Через пять минут вся эфирная бригада собралась в кабинете исполнительного продюсера.

— Черт, куда ваш ведущий подевался? Мы так запорем первую Орбиту к чертям собачьим. — Евгений Данилович, исполнительный продюсер, бросил телефон, спустил ноги со стола на пол и тщательно протер электронную сигарету. Все следили за его руками. — Морги? Больницы? Ментовки?

— Глухо. — Сергей, старший администратор, помотал головой.

Волохов Александр Витальевич, тонкий и безукоризненный, раздражающе эрудированный, неизменно вежливый и выдержанный, полиглот, мастер интеллектуальных дискуссий, был ведущим «Культурологии» около десяти лет. И не было случая, чтобы за час до эфира он не сидел в грин-рум, как называлась на всемирном телеязыке артистическая комната ожидания, с кофе или с тонкой сигаретой, готовый к диалогу с панелистами, как дрессировщик ко встрече со львами. А вот улыбка у него была совсем не цирковая — без тени превосходства, едва заметная, внутренняя. Александр Витальевич оказался настоящей находкой не только для телевизионщиков, но и для зрителей, уставших от крика и драк

в эфире. Почти полвека не выходивший из-за письменного стола, он неожиданно для всех и для себя самого согласился на предложение вести программу на федеральном канале. И вот первый срыв эфира, без звонка, без предупреждения. Телефоны не отвечают.

— Значит, так, — принял решение исполнительный. — Ханум сама знает, что ей делать с публикой. Сергей с новенькой, как тебя, Лена? Вдвоем на машине быстро к Волохову на Вспольный, вот адрес. Миша, вызывай МЧС и ментов, пусть ждут рядом. Но без Сережиного звонка дверь не вскрывать. И «Скорую» туда, платную, — дай бог, все в порядке, тогда с мигалкой назад, в Останкино. Погнали! Нет, стоп! — Он быстро набрал телефон. — МихалИваныч, здорово, дорогой! У нас форс-мажор, перехвати своими гайцами мою машину на Суворовской, протащите по Садовому через пробки на Вспольный. Эфир срывается! Да, Волохов. Спасибо, родной!

Сергей с Леной уже выходили, когда он крикнул им вдогонку:

— Возьмете мою машину, ГИБДД вам в помощь. Да, и вот еще что — с криминальщиками свяжитесь, пусть съемочная группа тоже гонит на Вспольный и сидит там в кустах. Пойдет МЧС, тогда и они с ними, если дверь ломать. Но в эфир без моего указания не давать. Дирекцию программ мне наберите!

«Только вышла на работу — и такое ЧП!» — Лена поднималась на третий этаж старинного дома на ватных ногах. Всю дорогу до квартиры Волохова она не проронила ни слова. Сергей гнал, как псих. У Театра Российской Армии у них перед носом вынырнула машина ГИБДД, врубила сирену с мигалкой и домчала до места, где по разделительной, а где и по встрече. У Юридической академии, остановив все шесть рядов, обе машины крутанулись через две сплошные, свернули на Спиридоновку, а тут и Вспольный.

— Ну где ты там? — Сергей уже взлетел на третий этаж и теперь выглядывал Лену в лестничном проеме.